

Они шли по следу, пока наконец в зарослях густой растительности не обнаружили умирающего полуэльфа.

Это был мужчина, и, как и говорил Хаммонд, он обладал той самой ослепительной красотой, присущей эльфийскому народу. Полуэльф полулежал на большом камне, прислонившись к толстой ветви невысокого дерева. Его длинные стройные ноги были безвольно раскинуты, а золотистые волосы запутались в ветвях окружающих растений, придавая ему крайне жалкий вид. Но еще печальнее выглядела его одежда — она пропиталась пятнами крови, слой за слоем, старые раны перемежались с новыми, и первоначальный цвет ткани уже невозможно было угадать.

Все тело полуэльфа излучало слабое мерцание. Заметив, что кто-то нарушил границы магического круга, он со стоном приподнял голову. Его прекрасные черты лица на мгновение исказила тень изумления.

— Прошу, не пугайся, я тебе не враг, — поспешила сказать Борона. В ее словах уже было скрыто защитное заклинание. Она сложила пальцы в какой-то загадочный жест, словно срывая маску с собственного лица, и под взглядом Ока Проницательности, наделенного мощной магией эльфов, явила свой истинный облик.

— Дитя старого друга... — Борона имела полное право так его называть. Для нее весь эльфийский народ был старыми знакомыми, и любой юный эльф, встреченный ею, приходился ей дитем старого друга.

Она с невыразимой грустью смотрела на бледное лицо полуэльфа и осторожно приблизилась:

— Что я могу для тебя сделать?

Она с тоской глядела на угасающую жизнь, а эльф беззвучно улыбнулся:

— Благодарю тебя... но... в этом уже нет нужды.

Он запрокинул голову, глядя в звездное небо:

— Я возвращаюсь к звездам...

— Из какого ты клана? — Эльфы всегда отличались нежной любовью к своим детям. Даже к полукровкам или тем, в чьих жилах текла лишь капля эльфийской крови, они относились с бесконечной добротой. Если же это был друг или ребенок друга, их принимали в лесу как родных и растили в любви. Поэтому даже те, кто выглядел как обычный человек, выйдя из Бесконечного леса за горным хребтом Лоретим, вели себя с той же грацией и благородством, что и истинные эльфы.

Судя по манерам, этот юноша определенно был воспитан эльфами в глубине Бесконечного леса.

— Я из... Северного леса... из Сердца Природы... Меня зовут Исолт... — Пока он говорил, его тело начало постепенно становиться прозрачным. Частицы света осыпались с него, и он медленно растворялся в воздухе. Вдруг он поднял руку в сторону Бороны: — Друг... можешь ли ты вернуть мою реликвию в лес? Прошу, передай ее моим сородичам...

— Умоляю... помоги мне... не дай ей попасть в руки людей...

Борона кивнула:

— Клянусь своим истинным именем, я выполню твою просьбу!

Получив это обещание, полуэльф словно сбросил тяжелый груз с души. Он улыбнулся и в тот же миг рассыпался. Педро с замиранием сердца наблюдала за этим невероятным зрелищем: он превратился в звездную пыль, которая медленно поднималась в небо.

Деревья и цветы вокруг впитали эту пыль, и в одно мгновение все вокруг зацвело. Дикие цветы, не обращая внимания на время суток и сезон, распускались прямо на глазах.

Это чудо длилось недолго, но шум был значительным. Вскоре на камне, где лежал полуэльф, осталась лишь искусно выполненная цепочка. Борона подобрала ее и спрятала за пазуху. Авантюристы, по-видимому, что-то заподозрили — они больше не таились и с громкими криками бежали в их сторону. Педро в тревоге оглядывалась на них и с мольбой смотрела на Борону.

— Пойдем, — сказала Борона. — Мы опоздали.

Она подхватила Педро на руки, легко взлетела на толстую ветку, укутала девочку плащом и, так же бесшумно, как и появилась, исчезла в лесу.

Вернувшись, Педро отправили в палатку. Борона успокоила ее парой слов и велела спать. Когда Педро проснулась, уже вовсю светило солнце. Выйдя из палатки, она увидела Борону: та сидела у воды, скрестив ноги, с мечом на коленях. Ее лицо было суровым и печальным.

Кожаный доспех Бороны покрылся росой, волосы намокли от утреннего тумана. Хотя в движениях воительницы не было и следа усталости, было ясно, что она не спала всю ночь или встала задолго до рассвета и так и просидела здесь, погруженная в свои мысли.

Педро замерла, не зная, как обратиться к ней, но Борона вдруг обернулась и произнесла:

— Кто-то однажды сказал мне: Не нашего племени — значит, и помыслы иные. Люди всегда находят подобные оправдания своим убийствам. На самом деле, им не нужен повод, чтобы творить зло, они найдут его для любого своего поступка.

Педро молча стояла позади, глядя на нее. Она жила в городах и видела множество людей, но

никто из них не мог сравниться с Бороной.

Нет, дело было не в волосах цвета закатного пламени, не в идеальных чертах лица, не в статной фигуре и не в ее уверенной осанке. Педро казалось, что Борона прекрасна именно сейчас, сидя у воды, с этой печатью вековой мудрости и легкой грусти на челе. Она оплакивала ушедшего, скорбя, но не ломаясь, и в ее облике читалась готовность встретить любую беду, не склонив головы.

Педро бесконечно завидовала этой способности стоять в мире с такой гордой прямотой.

Вдруг за спиной раздался высокий, чистый голос. Это было пение неземной красоты, наполненное такой магией, что в одно мгновение заставило забыть обо всем на свете.

Борона обернулась, потрясенная пением хрупкой девочки. Ее голос звучал подобно морской раковине, спрятанной в океанских глубинах: стоило ей запеть, как небо и ветер менялись, а солнце и луна склонялись перед этой силой.

Педро же, казалось, ничего не замечала. С прикрытыми глазами она привычно выводила строки древней поэмы — отрывок из мифической поэмы Оскара Уайльда, написанной тысячу лет назад. В ней описывалось, как Окасис, Бог Морей и покровитель русалок, спустился с небес в этот пустынный мир. Изначально это была лишь легенда русалок, но люди наполнили ее новыми смыслами.

Существовало предание: у морского бога русалок не было имени. Но в начале Третьей эпохи северный аристократ Уайльд полюбил русалку по имени Окасис. Они жили вместе в замке на его землях, он так и не женился и не завел детей. После смерти возлюбленной он написал эту поэму, в которой безымянного бога назвал Окасисом. С тех пор люди стали использовать это имя для обозначения бога морей или самих русалок.

Голос Педро обладал невероятной магией. Ночь, холод и морские волны из песни казались осязаемыми. Если бы Борона не была могущественным магом, она могла бы поддаться галлюцинациям. Казалось, голос звучал не снаружи, а в самой глубине души, и это были не просто стихи, а эхо далеких воспоминаний.

Песня оборвалась. Педро открыла глаза и, встретив горящий взгляд Бороны, густо покраснела. Она сцепила пальцы, смущенно пробормотав:

— Прости... я видела, что тебе грустно... я не знала... я... я умею только петь...

— Спасибо, — прервала ее Борона. — Я никогда не слышала ничего прекраснее.

Педро покраснела еще сильнее, не зная, что ответить, и опустила голову.

— Откуда ты знаешь эту песню? В ней поется о боге русалок. После того как в 1473 году

Церковь Света захватила власть, все божества, кроме Бога Света, были объявлены лжебогами, все иноземцы — чужаками, а любая вера, кроме веры в Бога Света, — ересью. Я думала, что таких текстов не осталось даже в библиотеках Империи Полафик, — спросила Борона.

Педро задумалась:

— Меня... меня в детстве подобрал старик. В молодости он был странствующим бардом и знал много песен и поэм. Он заставлял меня петь, чтобы заработать на хлеб, поэтому обучил всему, что знал сам...

Борона понимающе кивнула, встала и начала собирать вещи. Проходя мимо Педро, она похлопала ее по плечу:

— Я верю тебе. Рассвет в этом мире когда-нибудь наступит.

Сделав пару шагов, она оглянулась и еще раз поблагодарила:

— Спасибо тебе, Окасис.

На самом деле, было еще много историй, о которых Педро не знала, но Борона была осведомлена. Как русалка, чья жизнь должна была пройти в море, оказалась на северном континенте? Почему русалка, живущая в среднем триста лет, умерла раньше Уайльда? Педро видела лишь образ нежного и отважного божества, противостоящего тьме и холоду в одиночестве на чужбине, не подозревая о трагедии, скрытой под этим именем.

<http://bllate.org/book/21779/2252164>